

Дневники

Раненое село еще тлело углями кострищ, скрипело покореженными воротами, лязгало на ветру сорванными с крыш обрывками профнастила. Мертвоглазо зияло незасыпанными воронками, порой, стонало и вздрагивало от редких уже прилетов.

Но жило. Жило робкими надеждами, что в новой его жизни уже никогда не будет пятнистых «Леопардов» на улицах, спешных похорон убитых нацистами соседей и грубых окриков на бандеровском новоязе.

Евгений с бойцами-«барсиками» закончили разминирование крайних домов, сурово глядевших треснувшими стеклопакетами окон на запад. Сапёры устало подрёмывали в тени невесть как уцелевшего тополя, перед этим всухомятку схарчив скромную солдатскую «поляну».

Из проулка показалась длинная несуразная фигура в донельзя затасканном костюме-тройке с детским школьным рюкзачком в руках. По виду, бомж, бродяга. Такие на Донбассе были не в редкость – война. Горе, если не убило, то многих раздавило, разбросало, лишило рассудка. Мужчина, сам с собой разговаривая, подошел к сложенным горкой обезвреженным минам, вдруг наступил на одну из них концом ботинка, и то, что это было опасно, его нисколечки его не заботило.

– Уважаемый! Не трогай там ничего, а то на воздух взлетишь! Эй, тебе говорю! Оглох? – повторил один из саперов, когда мужчина не обратил внимания на предупреждение, продолжая что-то бормотать про себя и шмыгать носом.

– Не трогай его. Это учитель здешней школы. Не в себе он, – одернул бойца Евгений, вытесывая колышек с дощечкой, на которой вызывающе красной краской были криво намалеваны надпись с подписью – «Проверено. Мин нет. Ачим». И, усмехнувшись, подумал, что вообще-то все они тут немного не в себе. И еще не известно, кто на всю голову, а кто так – слегка тронулся.

Учителя он впервые увидел, когда за село шел ожесточенный бой, а тот отрешенно бродил между развалин, не слыша свиста пуль и не кланяясь шальным осколкам. Чудно, что его не убило и даже не поцарапало, а во взводе Евгения было уже несколько «двухсотых» и «трехсотых», которых не спасли ни дорогушие «броники», ни бетонные крепи укрытий. Видимо, на убогих и уродивых там, наверху, какой-то особый план...

Потом местные сказали Евгению, что учитель сошел с ума еще в начале СВО, когда нацисты брали село и разбомбили с воздуха школу. Вместе с детьми разбомбили – прицельно. Почти никто не уцелел, а учителю

повезло. Хотя, скорее, наоборот – ведь лютому врагу не пожелаешь такого везения...

Учитель сидел на корточках и рисовал в придорожной пыли какие-то только ему понятные знаки или формулы, временами поправляя такой ненужный и нелепый при этом затрапезе галстук. Судорожная гримаса время от времени кривила черты его правильного породистого лица. Местами опаленная огнем седая шевелюра еще сохраняла контуры модельной стрижки. Учитель, вероятно, когда-то был видным, осанистым, следил за собой и одевался со вкусом. Теперь же сгорбленный, потерянный. Впалые щеки и нездоровая худоба выдавали, что в последний раз он ел очень давно.

Евгений достал из вещмешка краюху хлеба и банку тушенки.

– Здравствуйте! – подошел он к мужчине.

– Добрый день! – поставленным голосом, привыкшим объяснять урок и отчитывать двоечников, ответил учитель и взглянул на Евгения. И взгляд вполне осмысленный на еще секунду назад безумном лице сильно огорошил, вызвал подозрения – не нацистский ли лазутчик перед ним? Случалось, что коварные «укропы» ловко прикидывались инвалидами, слепыми или сумасшедшими, рассчитывая на врожденную сердобольность русского солдата, который часто забывал про бдительность, когда видел перед собой сирого, слабого и нуждающегося в помощи. И, бывало, платил за это жизнью, когда поворачивался к ним спиной...

– Вы, наверное, проголодались. Откушайте со мной за компанию, – деликатно предложил Евгений, вспарывая ножом консервную банку.

– Спасибо, – поблагодарил учитель и рассеянно улыбнулся. – Знаете, почему-то сильно захотелось кушать.

Евгений понял, что такое желание появлялось лишь в редкие, как сейчас, минуты просветления. В остальное время аппетита у учителя не было.

– Вас как звать-величать?

– А? Евгением Викторовичем.

– Ух ты, тезки. Причем, дважды – удивился Евгений. Он тоже был Викторовичем.

– Да-да. Трижды.

– Что трижды?

– В смысле тезок. Я в армии был сапером, как и вы, – учитель взял в руки натовскую мину и со знанием дела объяснил ее тактико-технические характеристики.

– В украинской армии? – насторожился Евгений. – Что у вас в рюкзаке, тезка? Покажите!

– Нет, что вы... В Советской.

Учитель с торопливой готовностью расстегнул замок и вывалил содержимое рюкзака на землю. И это содержимое еще раз доказывало, что бедный учитель не симулировал, он и верно был не в себе.

Сдутый футбольный мяч с потрескавшейся кожей.

Потрепанная бумажная акварелька, пробитая и окровавленная посередине, словно партбилет политрука после смертельной атаки.

Простенькие детские очечки. С треснувшим стеклом, с замотанной синей изолентой дужкой, как у классического ботана-очкарика.

Разбитый золоченый кубок, какие обычно вручают за победы на школьных конкурсах.

Тетрадки и школьные дневники, неприпишущие ручки, с обгрызенными колпачками, сломанные карандаши и линейки.

Обрывок контурной карты, кнопки, скрепки, девчачьи резинки и заколки.

Рогатка и игральные карты, видимо, некогда реквизированные у учеников-шалопаяев, и еще какой-то хлам, предназначение которого было известно только его безумному хозяину.

– Извините, – Евгений тронул учителя за плечо и хотел было помочь ему сложить все обратно в рюкзак.

Но учитель не торопился этого делать. Он взял в руки мяч.

– Это Сени Прохоренко, – чуть всхлипнув, пробормотал учитель. – Наш Месси. Мечтал играть за донецкий «Шахтер», и его непременно бы взяли в команду. Никогда не уходил с поля без забитого гола. Как он играл – загляденье! За талант мы прощали Сене двойки и прогулы. Лучше б он прогулял школу в то страшное утро...

Затем учитель бережно разгладил на коленях акварельку.

– Это Васенькина картина. Вернее, все, что от нее осталось. Василиса – прирожденный художник. Приглядитесь, какие линии, какая экспрессия. Правда, красиво? И по такой красоте бомбой...

Евгений кивнул. Такие картинки он часто получал от маленьких адресатов с пожеланиями жизни и Победы. Вроде бы ничего особенного, но как трогательно разглядывать эти рисунки, напоминающие о доме, сколько в них нежности и искренней доброты.

– Витя Лерман, – учитель прикоснулся к очкам. – Математик. В уме четырехзначные числа делил и умножал без запинки. Олимпиады выигрывал. В МГУ готовился. И вот – всё, что от светлой головы осталось...

А от Коли ничего не осталось. Чудесный мальчик был – артист. Хлестакова играл в школьном театре... И от Даши ничего, и от Вени, и от

Риты. Только смутные воспоминания, осколочки, отрывки, – учитель силой ладонями сжал виски и простонал. – Понимаете, я забывать начинаю их, они все время куда-то ускользают, ускользают...

Евгений перелистывал школьные дневники, которые на его родине уже давно вышли из практики. Остались только электронные. А тут живые, исписанные старательным детским почерком или строгим учительским. На русском, хотя типографский шрифт был украинским, и Крым на политической карте закрашен еще желто-голубым, а не нашим – красным. «Бросал пакеты с водой на головы прохожих!», «Мешал заниматься товарищам, без конца вертелся!», «Принес в класс бродячего кота, сорвал урок биологии!», «Поведение – два! Уважаемых родителей просим подойти к директору!» – улыбнулся он знакомым цитатам, которые когда-то давно украшали и его дневник, после чего нашкодивший Женя боялся показывать его родителям.

– Вы откуда приехали? – вдруг спросил учитель.

– Из Прикамья.

– Надо же. Благословенный край. И война далеко-далеко, и по школам не стреляют.

– Не стреляют. Но иногда долетает. Рикошетом.

И он поведал учителю, как недавно ездил в отпуск на родину. Как обычно, встречался со школьниками, рассказывал им о СВО, о своих боевых товарищах, о том, сколько горя принесла война богатой и красивой земле. Евгений видел, как еще беспечны прикамские дети, как отличаются они от здешних, донбасских. Многие слушали его недоверчиво, не понимая, о чем он им говорит. Они даже из книг и фильмов смутно представляют, что такое война, и не хотят представлять. По-детски зажмурившись, закрыв уши ладошками, интуитивно прячутся в мире фантазий, как от сказочного монстра.

Но Евгений уже видел, как изменились и повзрослели те, у кого погибли на далекой СВО отцы и дедушки. У кого приходили на короткую побывку рано поседевшие старшие братья и, не успев отдохнуть, рвались обратно пекло. У тех, кто за одними партами сидели с донецкими и луганскими ребятами, которым чудом посчастливилось вырваться из ада.

– А вы возьмите дневники с собой! Покажите их вашим ребятам в Прикамье, когда вернетесь домой, – предложил учитель. – Пусть знают, что тут тоже когда-то был мир, и дети верили только сказочных монстров.

– Да что вы, это же для вас святые реликвии! Дневники памяти! Не могу...

– Вам нужнее, берите! И солдатам нашим покажите, – с неожиданной для его состояния силой учитель сжал Евгению руки. – Может, злее будут.

Евгений держал стопку детских школьных дневников и думал, что злее быть уже не может – душа разорвется на тысячу осколков, как мина-лепесток. Хотя повидал он ужасов, наверное, не меньше, чем этот несчастный учитель. И то, что не сошел с ума – просто чудо и особенности уральского характера. Но, как командир, знал, что и тут, на ленточке, порой, приходится объяснять некоторым бойцам, за что они тут воюют и умирают. И он покажет им эти дневники.

– Евгений Викторович, а вот тут..., – Евгений хотел что-то спросить у учителя и осёкся. Потому что тот опять забылся, закачал головой, забормотал несусветную непонять. Глаза учителя вновь заволокло безумной мутнинкой. И вроде бы он находился здесь, рядом с Евгением сидел в придорожной пыли в освобожденном от нацистов селе, ел хлеб и тушенку, но на самом деле он был рядом со своими учениками. Где-то там, высоко и далеко, где нет никакой войны и не стреляют по школам.

– Сенечка... Отдай пас, не жадничай... Василиса... Почему у тебя листья красные? Ах, осень... Витюша... Косинус икс равен минус корень из трех деленный на два. Будь внимательнее... Деточки мои... Куда вы? Не уходите... Прослушайте домашнее задание.

Максим Шардаков
2025